

Еще в России с ним долго работал в роли импрессарио, уполномоченно, администратора и друга некто Бискер, оказавшийся после революции, уже в престарелых годах, в Бухаресте, где он терпел страшную нужду.

В концертных бюро не хотели с ним и разговаривать, когда он приходил в поисках какой-нибудь работы, а то и просто выпогнали этого старого, изможденного и никому там не нужного человека. В отчаянную минуту Бискер написал Шалаяпину письмо, в котором напомнил о себе, описывал свое бедственное положение и просил о помощи.

И вот однажды Бискеру пришла телеграмма из Нью-Йорка: «Ставь концерт. Шалаяпин».

С этой телеграммой в руках Бискер вошел в одно из концертных бюро, откуда его обычно изгоняли. Чудесное превращение произошло мгновенно — Бискера не знали куда усадить, как величать и как закрепить за собой возможность организации концерта Шалаяпина в Бухаресте и оградить себя от происков конкурентов.

Наконец все было обусловлено. Бискеру был выдан аванс, и в этот день он впервые нормально пообедал. Потом в бюро спохватились: концерт Шалаяпина висел в воздухе — в те-

Окончание. Начало см. в газете, за 4 января.

Илья ШНЕЙДЕР.

О ШАЛЯПИНЕ

леграмме не было никакого указания о дате концерта! Но выход из положения нашелся — бюро выпустило анонс о предстоящей гастроли Шалаяпина и открыло предварительную продажу билетов.

Бухарест словно сошел с ума. Билетные кассы штурмовались, и никого не останавливало то, что на румынские теи билеты стоили баснословно дорого.

Но от Шалаяпина не было больше никаких известий. Дирекцию концертного бюро била тревожная дрожь, Бискер, одевшийся и давно забывший о голоде, метался в смертельной тоске, публика, купившая билеты, волновалась...

Вмешалась полиция. Решено было Бискера арестовать. И вдруг с бухарестского аэродрома поступил сигнал: снизился самолет из Лиссабона, на котором прилетел Шалаяпин со своей дочерью. Оказалось, Шалаяпин перелетел через океан на каком-то военном самолете и лишь в Лиссабона вылетел в Бухарест.

На концерте в Бухаресте Шалаяпин не захотел иметь никаких других участников и пел в течение всего вечера один, имея огромный успех. После концерта бледный и взволнованный

Бискер принес Шалаяпину огромную грудку денег. Шалаяпин отмахнулся от нее рукой:

— Мне ничего не надо. Бери все себе. Я сделал это не ради денег, а ради старого друга

и товарища по работе. Оба мы скитаемся без Родины, но я богат, а у тебя ничего нет. Захотел через столько лет повидать старого друга и прокатился сюда по воздуху с дочерью... — закончил Шалаяпин.

В период уже образованного японцами в 1932 году марионеточного государства «Манчжоу-Го» Шалаяпин приехал на гастроли в Харбин. Русский эмигрантский «комитет» заранее распланировал не только даты и места концертов Шалаяпина, но и распорядок всего его дня, начиная с момента прибытия на Харбинский вокзал.

От плана «комитета» Шалаяпин категорически отказался, а когда эмигранты стали настаивать, Шалаяпин отмахнулся от них, заявив, что он не имеет с ними ничего общего. Это вызвало злобную бурю и в «комитете», и на страницах эмигрантских газет, что Шалаяпина, однако, несколько не беспокоило.

Таким был этот человек — талантливый безмерно, умный, честный, но мятущийся и роковым стечением обстоятельств оторванный от горячо любимой Родины, оставшийся в стороне от столбовой дороги, на которую вышел его народ в Великом Октябре. Он умер в 1938 году от белокровия в Париже.

6 ФЕВ 1957

Ивановский проспект
г. Ростов на Дону